

Вся толпа, когда лодка пристала к судну, перебралась на верхнюю палубу и с ходу зашумела безостановочно. Не говоря уже о других, громкие голоса «великанов» Ле Чжунши и Ле Доу подняли такой шум, что захотелось заткнуть уши.

— Мы вернулись! Ох-ох, сейчас, когда мы плыли, заметил, что в этом месте течение и впрямь быстрое.

— Это называется «стремительное течение»!

— Я когда говорю, чего ты шумишь? Не уважаешь старших.

— Ясное дело, что я сильнее тебя!

— Я сильнее тебя, я молодой господин, а ты — нет!

— Я ростом выше тебя и кулак у меня сильнее, а это значит, что я сильнее.

Увидев, как двое братьев вновь затевают очередную повседневную идиотскую перепалку, хорошо знающие этих парней люди один за другим отходили в сторону.

Так же только что севший на корабль Жань Цин при виде Ло Дэна и Фэн Мина, которые вместе возникли на палубе, несколько изумился и, спешно подойдя к Его Светлости и поинтересовавшись здоровьем, попутно отвесив поклон в знак приветствия, доложил:

— Повреждённые большие джонки уже приведены в порядок и починены, что касается сокровищницы на главном судне, Ваш подчинённый, возглавляя братьев, что хорошо умеют плавать, за эти дни выловил из воды и вернул большую часть сокровищ. Эти драгоценности, Ваш подчинённый считает, не стоит хранить снаружи где попало, потому на данный момент Ваш подчинённый до сегодняшнего дня полностью вытаскивает ценности на сушу, дабы потом отправлять на джонку, где они пригодятся молодому господину в дальнейшем.

И Фэн Мин взглянул, куда указал ему слуга, и, действительно, несколько небольших суден ходили туда-обратно, перевозя от берега реки до джонки извлечённые вещи.

На что юноша вздохнул с облегчением, по-видимому, вернули ценностей немало. Во всяком случае, можно было во всём признаться родному отцу и объясниться.

Жань Цин, глядя на молчаливого князя, ошибочно принял подобное поведение за недовольство и смущённо вымолвил:

— Ваш подчинённый виноват. Когда джонка погрузилась в воду, по-видимому, в двери появилась щель и мелкие драгоценности унесло течением, к тому же особый шёлковый атлас в

воде запачкался, и после вылавливания его нельзя использовать, Ваш подчинённый не доставляет...

На что Фэн Мин поспешил успокоить:

— Так уже хорошо, я очень доволен, к чему делать такое обеспокоенное лицо?

Жань Цин, словно обиженный крупный зверь, с мольбой воззрится на Его Светлость:

— Молодой господин...

Фэн Мин несколько выжидающе посмотрел на мужчину — пара человек обменялись растерянными взглядами — и спустя долгое время князю захотелось поднять руку и почесать затылок, дабы поразмышлять, но он предпочёл сдержать свою привычку.

— Молодой господин...

— А! — наконец-то что-то вспомнив, Фэн Мин хлопнул себя по лбу. — Твой меч, верно?

Жань Цин со всей силы закивал.

— Тогда его передали Ло Юню. — Теперь, разумеется, обжигающий ладони картофель[1] был брошен Ло Юню.

По правде говоря, Фэн Мин лишь сейчас вспомнил и действительно посчитал, что в тот день он был несколько строг с Жань Цинем. Он, являясь князем Мином на протяжении долгого времени, крайне редко наказывал кого-либо, и как раз Жань Цин — один из немногих, коих по пальцам можно было пересчитать, кого коснулось наказание Его Светлости.

Ло Юнь, подойдя к стоящему сбоку Жань Циню, проговорил:

— Твой меч хранится у меня, когда прибудем во дворец Тунхуэй[2], верну. — Внезапно его тон изменился, став приглушённым: — На этот раз молодой господин простил тебя, потому тебе лучше усвоить урок. В следующий раз вновь осмелишься перечить приказу молодого господина — я тебя не прощу, не говоря уже о молодом господине.

Жань Цин, очевидно, всем сердцем уважал Ло Юня и, услышав предупреждение, с серьёзным видом медленно кивнул, а потом снова в знак признательности поклонился Фэн Мину, который, как и приближённые служанки, обомлел, застыв на месте.

Высказывание Ло Юня и впрямь прозвучало трогательно, вызывая единственный вопрос: когда Фэн Мин занял в сердце парня столь уважительное положение?

Глядя на Ло Юня, князь, не удержавшись, пошевелил губами и уже хотел было что-то сказать, но стоящий перед ним молодой человек плавно и бесстрастно сломал чрезмерные надежды Его Светлости:

— Ваш подчинённый на своих плечах несёт ответственность за охрану и безопасность молодого господина, в отличие от Жань Цина. Иногда, ради безопасности молодого господина, как бы не хотелось пойти против приказа молодого господина, необходимо быть верным до конца. — И парень бросил на Фэн Мина взгляд, где читалось «тебе не стоит наивно полагать, что полученный статус молодого господина позволит свободно без повиновения бегать где угодно».

Плечи князя тотчас опустились. Ло Юнь и впрямь есть Ло Юнь. Во время доклада Жань Цина несколько служанок уже куда-то умчались вместе с Ле Чжунши и Ле Доу. Разумеется, не было абсолютно ничего привлекательного в этих двух вечно ссорящихся рослых мужчинах.

Велика вероятность, что девичьи сердца тронул лишь милый и очаровательный зверёк — любимая Сяо Цю. Цю Юэ очень любила Сяо Цю и, увидев того второго мужчину, Ле Чжунши, первой помчалась, громко крича:

— Сяо Цю! Сяо Цю!

Остроухая Сяо Цю, услышав до боли знакомый голос, перебралась со спины на плечо Ле Доу, пискнула и, принимая плечо мужчины за трамплин, прыгнула, скользнув тёмным пятном, и приземлилась в руки девушки, после чего подняла большой хвост и начала, изгибаясь, «зарываться»[3] в милых объятиях, больше напоминая обычного маленького ребёнка, который неустанно ластился[4].

От подобного копошения стало щекотно, и девушка захихикала. Цю Син вместе с Цю Лань подбежали и с шумом начали играть со зверьком, пара бранившихся здоровяков уже привыкли и совершенно не собирались обращать внимание на девушек.

И, действительно, Ле Чжунши, как и Ле Доу, шумели без конца, лишь с большим трудом, переводя дыхание, прекращали ссориться, но, подняв голову и увидев присутствующего на корабле Фэн Мина, наперегонки бросились к нему, крича:

— Князь Мин! Князь Мин! Мы вернулись!

— Давно не видели нас, как сильно соскучились по нам?

— Вашу очень дорогую ценность мы из воды вытащили.

— Верно-о, к счастью, мы такие молодцы, одним махом отыскали, а иначе всё отсырело бы.

— Не слушайте вздор Ле Доу, само собой, ящик довольно хорош и не отсыреет, а внутри всё в

сухости и сохранности, я сейчас Вам покажу.

Князь сначала даже не понял, о какой вещи идёт речь, но, увидев, как Ле Чжунши достаёт из-за спины огромный свёрток и раскрывает его, демонстрируя ту ужасную деревянную «шкатулку», внезапно испугался и, остановившая их, со смехом проговорил:

— Уа! Вы и впрямь молодцы! Незачем открывать её, я абсолютно уверен в ваших навыках, и раз вы говорите, что внутрь не попала вода, значит, так оно и есть.

Пока Его Светлость суматошно хватал за руки двух здоровяков, тем самым держа их, Жун Ху тем временем, взяв «шкатулку», убрал подальше. Двое мужчин с молчаливым согласием обменялись взглядами. Эти братья напугали до смерти, ведь внутри голова Цин Дина! Невзирая на то, что они находятся в нескольких ли от столицы Тун, этим двум здоровым мужчинам неожиданно взбрело в голову на глазах у всех открыть короб, они что, хотят смерти молодого господина Сяо?

Неужели не боятся, что его, князя, могла убить многочисленная армия Тун, погнавшись за ним? Да куда уж этим двум здоровякам заботиться о том, кто о чём думает, они, получив похвалу и не стесняясь сиять от счастья, помчались дразнить трёх окруживших Сяо Цю служанок, которые при их появлении подняли крик и забранились на чём свет стоит.

Отыскав удобный случай, Фэн Мин шёпотом приказал Жун Ху:

— Была бы беда, случайно увидь кто-нибудь во владениях Тун эту голову. Во всяком случае хорошенько присматривай, чтобы не произошло несчастья.

На что Жун Ху также с крайней осторожностью вернул:

— Ваш подчинённый тоже так подумал — эта вещь нешуточная, раз уж господин министр специально в землях Тун вручил её князю Мину через Ле Чжунши, безусловно надеясь, что князь Мин в решающий момент воспользуется ею. И поскольку мы сейчас проживаем вне джонки, весьма предпочтительнее будет хранить её в месте, откуда можно взять в любой удобный час.

Фэн Мин опешил[5]:

— Не хочешь ли ты принести её в резиденцию Цин Чжана, Хэцин?

Жун Ху безразлично пожал плечами:

— Тут князь Мин неправ, только самое видное место может быть самым надёжным.

Как оказалось, силэйский телохранитель и впрямь собирался, взяв голову Цин Дина, отправиться в резиденцию Хэцин. Хоть княжескому уму данное решение было непостижимо, вот только вспоминалось, что Жун Ху воспитывал и тренировал этот мужественный и величественный, как небеса, силэйский государь, совершенно не чувствовавший какого-либо беспокойства.

Во всяком случае, когда дело касалось осторожности и обстоятельности, Фэн Мин пришёл к выводу — его заискивание не идёт ни в какое сравнение с Жун Ху. Потому лучше всего поручить данную работу в полном её объёме этому мужчине.

Силэйский телохранитель прервал молчание:

— Ваш подчинённый хочет сначала отвезти эту ценную вещь и спрятать во внутренних покоях Хэцин, поскольку нельзя расхаживать с ней где попало.

Князь значительно изменился в лице.

— Но я сегодня рассчитывал целый день посвятить прогулке, — предупредил Фэн Мин, — и хотел вернуться вместе с тобой, не смей так рано брать меня и возвращать в «золотую клетку».

Жун Ху давно догадался, что Его Светлость не согласится на высказанное предложение, потому показал красивую улыбку:

— Ваш подчинённый сначала велит Мянью Я составить компанию князю Мину, а потом уже отправится в путь.

Мянью Я прибыл только вчера и лично донёс новые вести Жун Тяню. Новости о Юэчжун и Тунэре сообщил именно он, а сегодня, уходя, Жун Тянь не взял его с собой, поэтому силэйский охранник последовал за Его Светлостью на вылазку.

Жун Ху, найдя товарища на другой стороне корабля, какое-то время обсуждал с ним дела князя, потом подозвал Ло Юня и после всех распределений, сославшись на дела, уехал. Временно заменявший Жун Ху Мянью Я стал выполнять роль телохранителя Его Светлости, очень сильно стараясь и незамедлительно следуя за Фэн Мином, а потому поинтересовался у господина, куда он — немного погодя — собирается идти дальше.

Этим он вогнал Его Светлость в тупик. Сейчас Фэн Мин, улучив столь выгодный шанс, который и впрямь выпадал так редко, — гулять где вздумается, больше напоминал ребёнка, оказавшегося в кондитерской, где трудно было выбрать лакомый кусочек[6]: хотел это, хотел то, но что лучше взять — не знал.

Князь спросил мнение как раз подошедших и громко играющих с Сяо Цю служанок. Близняшки, не моргнув глазом, затараторили, сыпя множеством предложений: хотелось

поплавать по реке на лодке и хотелось, отыскав хорошее место, поймать кролика...

Цю Лань же подошла к подобному вопросу куда основательнее и, подумав немного, ответила:

— В таком случае лучше отправиться на базар, ведь редко когда удастся оказаться в Тун, много чего можно купить.

Ведя себя словно ребёнок, Цю Син поморщила носик:

— Разве здесь найдётся что-нибудь хорошее, к тому же мы ни в чём не нуждаемся.

— Просто ты не знаешь, — хоть Цю Лань и казалась нежной на вид, но в ней чувствовались серьёзность и опыт, и, чеканя каждое слово, девушка поведала: — Жун Ху рассказывал, что в Тун очень много хороших вещей, которые в других странах трудно отыскать. Очень славится тунская ткань...

Цю Юэ с улыбкой продолжила:

— Ткань? Что в ней редкого? В сокровищнице на корабле гора ткани, и вся она высшего качества, шёлк да бархат, вытащи любую понравившуюся и шей превосходное платье, так будет лучше, скажите, князь Мин, верно говорю? — Последнее предложение было обращено к Его Светлости.

Фэн Мин с улыбкой кивнул и, жалея Цю Лань, что потерпела поражение, мягко вымолвил:

— Вот только на базаре крайне оживлённо и весело, даже если не купим ткань, зато прогуляемся неплохо.

Цю Лань прервала молчание:

— Ткани высочайшего качества, я знаю, что здесь имеются. Но тунские ткани поражают своим цветом, есть так называемый «небесно-лиловый»[7], который и впрямь изумительный, говорят, в других местах не получается такой окраски, только тунские мастера-суконщики в своих лавках способны сделать подобное.

Девушки проявляли к тканям и украшениям большой интерес, который тотчас же вспыхнул, стоило Цю Лань заговорить о тканях.

— Ого! — открыла рот Цю Юэ. — Ты почему раньше об этом молчала?! Я тоже слышала про небесно-лиловый, но не думала, что его создают именно здесь.

Цю Син тоже, широко распахнув блестящие глаза, завопила:

— Я знать не знаю, что это ещё за небесно-лиловый цвет, но когда заговорили о хороших тунских вещах, я вспомнила кое-что, а именно, о каких-то воротах[8], где специально продают высококачественные румяна и крема, такое название, какие-то ворота. Что за ворота?

На что Цю Лань стыдливо вымолвила:

— Откуда я знаю?! Всё это со слов Жун Ху, поэтому и захотела пойти на базар... — И бросила косой взгляд на князя, при этом вид девушки был милым и очаровательным.

Его Светлость громко рассмеялся:

— Хорошо-о! Хорошо-о! Раз так решили, то пойдём побродим по рынку.

И тотчас же на палубе раздались очаровательные окрики.

Установив цель, большая толпа вновь, сойдя с джонки, переместилась на берег, близ которого паслись резвые кони, уже наевшиеся свежей и вкусной травы, с новыми силами обмахиваясь хвостами в ожидании хозяев. Фэн Мин, как и все остальные, оседлал коня, в воздухе с обеих сторон раздались свисты кнутов, и охваченные боевым духом кони, заржав, мужественно рванули вперёд.

Молодой господин Сяо, служанки и охрана, в общей сложности человек тридцать-сорок мчались к городским стенам Тунцзэ, охваченные счастьем, словно в крови бушевала молодая кровь, даже солнце, им казалось, светит ярко. Ворвавшись в городские ворота, где запрещалась стремительная верховая езда, каждый обязан был сдерживать собственного коня.

Торговля, стоило всякому явиться в столицу крупного государства, на рынке значительно процветала, а богачей было видимо-невидимо. В особенности в лавках, где продавались сатин и шёлк. В таких местах непозволительным являлось одно — нехватка ткани, а иначе куда со стремительной скоростью тратились бы расходные деньги знатных жён и дочерей?

Большие лавки, что размещались в основном на одной улице, мало чем отличались от современных коммерческих пешеходных улиц: здесь продавались и ткани, и румяна с кремами, и украшения, и драгоценная утварь, а также различная еда, при виде которой бежали слюнки, в общем, всё пленяло взор своим великолепием.

Въехав на улицы столицы, Фэн Мин вместе со служанками спешил и, передав поводья охране, отправился вперёд, гуляя по разным местам.

От множества необыкновенных товаров глаза разбегались, и князь неспешно восторгался:

— Ну надо же, не ожидал, что базар окажется настолько роскошным, а вещей и впрямь множество. — В его представлении Силэй казался величественнее Тун, и потому тунская торговля наверняка уступала силэйской, но на деле было всё совсем не так.

Отыскав местного жителя и расспросив обо всём интересующем, Мянъ Я по возвращении задал вопрос служанкам:

— Вы что сначала хотите посмотреть: румяна, крема или ткани?

— Румяна!

— Крема!

— Ткани! — раздалась один за другим[9] очаровательные голоса.

Будучи спокойным по характеру, Мянъ Я сделал жест рукой, прося воодушевлённых «пташек» утихнуть, после чего рассказал отличную новость:

— Куда собирались сначала сходить — это одно и то же место: как сказал тот человек, лавки Фухэмэнь[9], где продаются лучшие румяна, крема и ткани, как раз находятся рядом друг с другом.

Девушки очень обрадовались и, обступив со всех сторон князя, в приподнятом настроении обратились к Мянъ Я, спрашивая, как найти их.

Эти две упомянутые лавки, безусловно, славились хорошей репутацией: увидев их, становилось понятно, насколько они исключительны[10] — ещё издали можно было заметить высоко висящую вывеску, которая привлекала внимание — это была деревянная доска, покрытая слоем золотой краски, от лучей солнца сияющей так ярко, что даже люди, находящиеся на другой стороне улицы, подняв взгляд, видели надпись.

Фэн Мин вместе со служанками переступили порог Фухэмэнь, дабы купить ткани.

Близняшки с особым волнением вошли в дверь и, тотчас же увидев разного рода материи, что висели на стене и лежали на столе, вскрикнули:

— Очень красивые!

— Цю Син, взгляни на этот синий цвет, его нигде больше не встретишь, кто бы мог подумать, что здешние расцветки окажутся такими яркими, красочными...

— Хоть цветов здесь очень много, но скорей посмотри сюда, разве не об этом небесно-лиловом говорила Цю Лань? — Цю Син вскрикнула так громко, словно исследовательская экспедиция, нашедшая ископаемое, подзывая к себе Цю Юэ вместе с Цю Лань. Девушки склонились над тканью, и несколько нежных белых ручек жадно скользнули по редчайшему окрасу.

— Пурпурный получился очень красивым.

Присоединяясь к общему веселью, Фэн Мин, подойдя ближе, также не стал отрицать, что цвет и впрямь редкий.

— Такой пурпурный, кажется, нигде не встречался, цвет тёплый и изысканный. — Дотронувшись до ткани, князь добавил: — Ничего особенного в материале нет, а способ покраски, полагаю, отличается?

— Молодой господин прав, — вмешался старческий голос, внезапно прозвучав.

Все подняли взгляд.

Голос принадлежал старику, чьи волосы и брови уже давно окрасились серебром, на вид ему было лет семьдесят. В этой эпохе медицина была мало развита, потому подобные года можно было приравнять к долгожительству. Мужчина, опираясь на трость, медленно шёл от двери неустойчивым шагом, часто и тяжело дыша при ходьбе, рядом находящийся человек, который, по-видимому, являлся слугой — красивый, низкого роста — с осторожностью поддерживал старика со словами:

— Господин, осторожно, смотрите под ноги.

Возраст мужчины хоть и был велик, однако на речи это никак не отразилось — она оставалась ясной и понятной: старик подчёркивал каждое слово, более того, казалось, подобное звучание обволакивает уютно.

— Я[11] — Фу Тун и являюсь хозяином этой ничтожно[12] крошечной лавки. Молодой господин, прошу, садитесь, взгляните на ткани, эти вещи, что здесь выставлены. Хотите, посмотрите на те, что освещены солнечным светом, не торопитесь. Даже если не купите, то с удовольствием полюбуитесь. — Старик всю жизнь занимался тканями, впоследствии торгуя ими, и с первого взгляда мог понять, что явившийся к нему князь довольно состоятельный покупатель, поэтому лично вышел его поприветствовать.

Демонстрируя в ответ, естественно, превосходные и безупречные манеры, окружённый свитой Фэн Мин слабо улыбнулся, поприветствовал мужчину церемонно с уважением — как и подобает молодому господину по отношению к пожилому человеку — после чего, обнажая белые зубы, с улыбкой крайне церемониально и почтительно представился:

— Фэн Мин из рода Сяо.

Глаза Фу Туна неожиданно округлились, а изборождённое морщинами лицо вытянулось в изумлении.

— Молодой господин Сяо? Ах! Ах... — Изначально сидящий старик машинально, опираясь на трость, резко вскочил на ноги и, глядя на почти полностью загородившую вход огромную

охрану, пробормотал: — Не удивительно, не удивительно, что я озадачился, оказывается, это люди молодого господина Сяо. Молодой господин Сяо, прошу, сядьте.

У этого торгующего многие годы старика имелся немалый опыт, спустя минуту мужчина успокоился и вновь попросил Фэн Мина присесть.

Знал он или нет о прибытии молодого господина, сына всемирно известного успешного торговца, но старик воспрял духом, внезапно превратившись в живых дракона и тигра[13], и, приказывая своим людям подать чаю и отыскав управляющего лавкой, вытянул шею, громко восклицая:

— Скорей! Возьми ключ от хранилища, открой и принеси лучшие ткани.

Князь же, наоборот, смутился:

— Почтеннейший[14], мы лишь просто прогуливались...

Но Фу Тун махнул рукой, прося Его Светлость успокоиться и ничего не говорить, после чего попросил только что увидевшую пурпурную материю Цю Син взять найденное и подойти.

— Молодой господин Сяо, Вы недавно расхваливали красоту этого лилового цвета, верно?

— Угу.

На старческом лице тотчас возникла улыбка, за которой скрывалась шелковинка коварства:

— Этот цвет в простонародье называется «небесно-лиловый». Но на самом-то деле считается ли это небесно-лиловым?

Глубоко очарованные служанки, услышав слова старого хозяина, Фу Туна, изумились.

На что Цю Юэ задала встречный вопрос:

— То есть, уважаемый хозяин[15] Фу Тун, Вы[16] хотите сказать, что это не небесно-лиловый?

Старик же, схватив свою козлиную бородку, в которой не было ни тени на седину, со смехом вернул:

— Нельзя полностью утверждать, что это не он.

— Ха?

— Этот кусок материи — низкосортный небесно-лиловый, сырьё было не лучшего качества, цвет получился некрасивый. Настоящий небесно-лиловый в сравнении с этим во много раз красивее.

— Настоящий небесно-лиловый? Неужели есть цвет, во многом превосходящий этот прекрасный оттенок, который мы видим? — полюбопытствовала Цю Син. — В таком случае надо и впрямь увидеть своими глазами, чтобы удостовериться. Уважаемый, у Вас, наверное, он есть, да?

Старик загадочно рассмеялся.

В этот момент управляющий открыл дверь кладовой и, ведя за собой несколько слуг, в руках каждого из которых находилось несколько кусков материи, вошёл в комнату, тяжело дыша.

Фу Тун, повернув голову, дрожащим голосом обратился к управляющему:

— Ты, иди открой маленький тайник, что находится в хранилище, и достань оттуда кусок небесно-лилового, и подай сюда.

Изумившись, мужчина, не ожидавший услышать подобное от хозяина, обомлел ненадолго, вслед за этим обернулся кругом и отправился обратно в кладовую.

Примечания:

[1] 烫手山芋 (tàngshǒu shānyù) — таншоу шаньюй — «горячая картофелина» или «жар в ладонях», обр. щекотливая проблема, головная боль. Данная фраза является метафорой сложной задачи, за которую никто не хочет браться.

[2] Ло Юнь имеет в виду резиденцию царствующего дядюшки Тун — Цин Чжана, где они временно проживают.

[3] 钻来钻去 (zuān lái zuān qù) — цзуань лай цзуань цюй — данная фраза, которая переводится как «пролезать», чаще означает «вертеться», «снова туда-сюда», «извиваться», «буриться в одеяло (о животном)».

[4] В оригинале используется 撒娇 (sājiāo) — сацзяо — которое можно перевести как «ластиться, словно маленький ребёнок». Это специфическая для стран Юго-Восточной Азии манера поведения, призванная обратить на себя внимание другого человека или продемонстрировать ему своё расположение, выражается в переходе на разговор детским голосом, использовании инфантильной мимики, жестов и прочих атрибутов поведения маленького ребёнка.

[5] В оригинале фраза звучит как «глаза вытаращились и язык онемел», обр. в знач.: опешить, остолбенеть, онеметь, лишиться дара речи.

[6] 琳琅满目 (lín láng mǎn mù) — линь лан мань му — обр. «пленять взор своим великолепием», а буквально «великолепная яшма застилает глаза». Так говорят о произведениях искусства, изящных ювелирных изделиях и т.п.

[7] 紫蒂(zǐdì) — цзы дэ — имеется в виду лиловое зёрнышко (спелое) лотоса, но также можно перевести как «лиловый» (фиолетовый).

[8] Иероглиф мэнь (門) можно перевести как «ворота», «вход», «отверстие», «проток», «дверца».

[9] 此起彼伏(cǐqǐbǐfú) — цыцибифу — букв. «этот поднимается, тот падает»; «волна за волной»; «следовать одно за другим, непрерывно, чередой»; «подъём и спад».

[9] 福合门(fú hé mén) — фу хэ мэнь — если по-иероглифно переводить, то 福 (фу) означает «счастье», но в нашем случае это фамилия, 合 (хэ) — «мир», а мэнь (門) — «врата». То есть «счастливые мирные врата».

[10] 不同凡响(bùtóng fánxiǎng) — бутун фаньсян — «необычное звучание», «необычный голос»; обр. «выдающийся», «незаурядный», «необычный», «исключительный».

[11] В оригинале мужчина называет себя 杳杳(lǎoxiǎo) — лаосю — уничтожит. «я».

[12] Помимо «ничтожный», «крошечный» слово 杳杳(qūqū) — цюйцюй — можно ещё перевести как уничижительное «я», «мой».

[13] 生龙活虎(shēnglóng huóhǔ) — шэнлун хоху — сама фраза звучит как «живой дракон и живой тигр», обр. преисполненный жизненной энергии; полный сил.

[14] Фэн Мин называет старика 老前辈(lǎoqēnjia) — лаожэньцзя — почтенное, уважаемое обращение к старым людям; в обращении к пожилым людям «почтеннейший», «Вы».

[15] Цю Юэ называет старика 大掌柜(dà zhǎngguì) — да чжангуй — что означает, если переводить дословно, «уважаемый владелец лавки».

[16] Вот ещё Цю Юэ называет Фу Туна на «Вы» 你(nǐ) — нинь — это вежливое обращение к одному лицу. Однако сам Фу Тун обращается ко всем на «ты» 你(nǐ) — ни.

<http://bllate.org/book/13377/1602220>